

УДК 947.05/07

ББК 63.3(2)47

М-91

Мухаджиев Саид-Хасан Хамзатович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», e-mail: mussaid72@gmail.com

**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В КАВКАЗСКО-КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ В
XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА:
РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР
(рецензирован)**

Кавказско-Каспийский регион исторически имел очень важное геополитическое, экономическое и идеологическое значение. Здесь пролегали не только важные транспортные и торговые коммуникации, но и протекали сложные и многогранные межкультурные и религиозные процессы. Геополитическое противостояние ведущих держав в XVIII-XIX вв., в первую очередь Российской и Османской империи, принадлежащих к разным культурно-религиозным традициям, идеи религиозной общности и миссионерства, «священной войны» и «христианского долга» нередко использовались для концептуального обоснования политики господства в Кавказско-Каспийский регионе.

Ключевые слова: религиозный фактор, регион, геополитическое соперничество, ислам, самодержавие, христианская держава, идеология, Кавказская война.

Muskhadzhiev Said-Khasan Khamzatovich, Candidate of History, an associate professor of the Department of History and Law of FSBEI HE "Maikop State Technological University", e-mail: mussaid72@gmail.com

**INTERNATIONAL COMPETITION IN THE CAUCASUS-CASPIAN REGION IN THE 18TH –
THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY:
THE RELIGIOUS FACTOR
(reviewed)**

The Caucasus-Caspian region historically had a very important geopolitical, economic and ideological significance. Not only important transport and trade communications flowed here, but complex and multifaceted intercultural and religious processes were also taking place.

The geopolitical confrontation between the leading nations in the 18th and 19th centuries, primarily the Russian and Ottoman empires, belonging to different cultural and religious traditions, the ideas of religious community and missionary work, the "holy war" and "the Christian duty" were often used to conceptualize the policy of domination in the Caucasus-Caspian region.

Key words: religious factor, region, geopolitical rivalry, Islam, autocracy, Christian nation, ideology, the Caucasian war.

Кавказско-Каспийский регион исторически имел очень важное геополитическое, экономическое и идеологическое значение. Здесь пролегали не только важные транспортные и торговые коммуникации, но и протекали сложные и многогранные межкультурные и религиозные процессы.

В XVIII веке в регионе разворачивается острое геополитическое соперничество между Османской империей, шахским Ираном, Россией и Англией. В этой международной борьбе большое значение приобретал религиозный фактор.

Российская империя в лице Петра I стремилась максимально использовать в регионе «христианских союзников» в лице грузинского царя Вахтанга I, а в 1721 году во время Каспийского похода и завоевания прикаспийских территорий, в том числе и Баку, Петр I столкнулся с сопротивлением местного населения и запустил в действие «армянскую карту» [1]. Османская империя, как ведущая мусульманская держава того времени, широко прибегала к исламскому фактору среди мусульманских народов Кавказа, используя статус Султана как «халифа всех правоверных».

В период ослабления Иранского государства (1750-1780-е гг.), когда на Кавказе существовали Картли-Кахетинское царство, Азербайджанские ханства, феодальные владения Северного Кавказа и вольные общества Дагестана и Чечни, Российская империя вела длительную борьбу с Турцией за Крым, однако не оставляло без внимания и Кавказско-Каспийский регион.

Присоединение Крыма к России в 1783 г., выдвигает на передний план вопрос о Кавказе. При этом Петербург отводил Северо-Западному Кавказу, населенному адыгами, абазами и кубанскими ногайцами, важную роль для укрепления своих позиций по всему Северному Кавказу. В то время как Османская империя тоже рассматривала данный регион как плацдарм для возвращения Крыма, так и для планомерного утверждения своего господства на Северном Кавказе.

Одним словом, кавказский вопрос приобретает важное значение в международном противоборстве. О возросшей его роли в политике Российской империи свидетельствовало поручение всех кавказских дел князю Г. А. Потемкину. Общие цели самодержавия по отношению к Кавказско-Каспийскому региону были выражены в рескрипте Екатерины II от 8 апреля 1783 года: «учредить надежную и кратчайшую границу от Каспийского моря ... к Черному ..., внутреннее правление тех народов, которые могут быть присоединены к Российской империи» [2].

Активизация военно-политической экспансии Санкт-Петербурга в регионе происходила на фоне ослабления внешнеполитического потенциала Стамбула. Самодержавие укрепляло военное присутствие в регионе, продолжалось сооружение укреплений. В 1777 году начинается отсчет строительства Азово-Моздок-ской линии, протянувшейся со многими редутами и крепостями на 2000 верст от устьев Дуная до побережья Каспийского моря. Основаны были Ейское укрепление, Георгиевская, Владикавказ и другие военные крепости. В 1786 году было образовано Кавказское наместничество.

Утверждение господства самодержавия на Северном Кавказе, военно-казачья колонизация региона вызвали ответную реакцию со стороны коренного населения. В 1785 году началось освободительное движение народов Северного Кавказа, направленное против экспансии Российской империи. Первоначально движение вспыхнуло в Чечне, далее охватило Кумыкию, Кабарду и Северо-Западный Кавказ, населенный адыгами, абазинами и ногайцами. Движение, во главе которого стоял шейх Мансур (Ушурма), вызвал широкий резонанс в Северном Азербайджане, Крыму и в Средней Азии. Для объединения мусульманских народов региона Мансур использовал идеологию ислама. Несмотря на религиозную общность с турками, движение под руководством Мансура возникло и развивалось самостоятельно. «Мансур никогда не был прямым орудием турок.» [3].

С началом очередной русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Порты изменило свое отношение к Мансуру. Османские власти стремились использовать военные силы горцев в войне против России. Мансур нуждался в сильном союзнике для успешного продолжения начатой борьбы. Все это привело к временному союзу Порты и горского лидера. Однако цели у Порты и у Мансура были разные, поэтому военное сопротивление горцев против русских войск преимущественно проходило самостоятельно.

В этом геополитическом противостоянии двух держав, принадлежащих к разным культурно-религиозным традициям, идеи религиозной общности и миссионерства, «священной войны» и

«христианского долга» нередко использовались для идеологического обоснования политики господства в Кавказско-Каспийский регионе как Санкт-Петербургом так и Стамбулом.

Активизация экспансионистской политики России в Кавказском регионе конце XVIII в. придали актуальность религиозному фактору. Самодержавие не скрывало свое стремление, направленное на «восстановление» христианства и устранение «опаснейшего очага воинствующего исламизма», тем самым доказать «превосходство христианского духа над мусульманским фанатизмом».

На практике получилось обратное – народы Северного Кавказа в попытках сохранить свою самобытность и независимость обращаются к идеям мусульманской религии. Ислам становится серьёзным фактором как во внутреннем развитии этносов региона, так и в противостоянии военной экспансии со стороны Российской империи.

Наиболее отчётливо это проявилось, как было отмечено выше, во время освободительного движения на Северном Кавказе под руководством шейха Мансура (1785-1791 гг.), которое начиналось как новый этап исламизации, постепенно трансформировалось в широкомасштабное борьбу за свободу, где наряду с религиозными идеями звучали вполне актуальные призывы консолидации народов гор и степей Кавказа.

Серьёзные успехи идеологической доктрины ислама относятся к концу XVIII-XIX в. и были вызваны не пропагандистской деятельностью Порты, а преимущественно (как это ни покажется странным), с завоевательной политикой российского самодержавия. Царские власти не скрывали своих стремлений «восстановить на Кавказе христианскую веру» [4].

Военно-политические и идеологические меры, предпринимаемые самодержавием, вызвали негативную реакцию со стороны горцев. Позиции ислама не удалось подорвать, наоборот, религиозные идеи стали духовной составляющей освободительного движения. «Вся энергия старинного мусульманства, - отмечал русский историк Р. Фадеев, – давно покинувшая расслабленный азиатский мир, сосредоточилась на его пределе в Кавказских горах» [5].

Новый виток масштабного наступления Российской империи в регионе относится к первой четверти XIX в., приоритетными стали военно-политические меры, которые облекались в адекватные идеологические схемы. Официальными придворными интеллектуалами заявлялось, что естественные державные соображения и историческая судьба великой державы делают необходимым скорейшее завершение покорения Северного Кавказа.

Санкт-Петербург в отношении северокавказских народов выдвигала идею о «цивилизаторской миссии Российской империи». Самодержавие было преисполнено решимостью выполнить христианский долг перед Закавказьем. «Грузинские царства, - отмечает один из первых русских культурологов Н.Я. Данилевский, – донельзя истощенные борьбой с турками, персиянами и кавказскими горцами, не могли вести далее самостоятельного существования и должны были или погибнуть, или присоединиться к единой России. Делая этот шаг, Россия знала, что принимает на себя тяжелую обузу, хотя, может быть, не предугадывала, что она будет так тяжела, что она будет стоить ей непрерывной шестидесятилетней борьбы» [6].

Религиозный прозелитизм в той или иной мере содержится и в работах А.С. Пушкина, который выступает с идеей распространения среди горцев «более сильного, более нравственного, более сообразного с просвещением нашего века: проповедования Евангелия... Кавказ ожидает христианских миссионеров» [7].

К 1830 гг. относится деятельность Особого комитета, созданного для обсуждения Кавказских дел. В его недрах, опираясь на идеи генерала Паскевича, был составлен проект действий, в котором, с одной стороны, предполагался выказывать уважение мусульманскому духовенству, стараясь заручиться его поддержкой, а с другой – «для смягчения нравов горцев и распространения между

ними просвещения заводить, где только можно училища. Большим для сего подспорьем могут также служить миссионеры» [8].

Идея «нравственного освоения» Кавказа в противовес собственно военному и в сочетании с экономическим, часто возникает в проектах российских официальных лиц. Это направление, как правило оставалось на уровне «теоретических разработок» в практическом плане преобладал силовой вариант, принимая различные формы. Одной из составляющих этой концепции была идея христианизации Кавказа, включение горцев в общерусское религиозно-нравственное пространство.

В самый разгар военных действий на Кавказе в 1846 г., титулярный советник Александр Бегичев, неплохо разбиравшийся в специфике горской жизни, подал начальству «Проект о введении христианской веры на Кавказе между горскими народами». Автор проекта считал, что «вера горцев есть коренная причина воинственного отношения горцев к русским. Та же самая причина определяет характер отношений арабов к французам в Африке. Здесь нельзя не заметить разительной аналогии в отношении горцев к русским и арабов к французам: Ших-Мансур, Кази-Мулла и в наше время Шамиль не разыгрывают ли на Кавказе той же самой роли как и Абдель-Кадер в Африке?» [9].

Подтверждением служат некоторые документы. Так, в конце 1857 г. начальник Кавказского корпуса Д. Милютин привез в Санкт-Петербург императору Александру II записку командующего корпусом князя Барятинского «о положении христианской веры между горными племенами Кавказа и о пользе учреждения особого братства для восстановления православия между горскими племенами». В записке отмечалось, что для «восстановления христианства в племенах, где оно давно уже поколебалось ..., нужно иметь хороших проповедников и достаточной суммы для того, чтобы устроить местную церковь. При значительных средствах можно завести училище и для образования проповедников ... Создать эти средства есть долг православного государства» [10]. Как видим, здесь нет принципиальных различий с идеями титулярного советника А. Бегичева, высказанными 11 лет назад, Барятинский предлагал создать христианское братство «Воздвижение Святого Креста», состоящее из лиц, которые добровольными взносами будут финансировать практическую деятельность.

Представители военной и гражданской элиты тогдашней России особо не рассуждали на тему уникальной и самодостаточной культуры народов Северного Кавказа. Более того, продолжительное сопротивление горцев вызывало великодержавное раздражение по поводу того, что их «умственное и моральное» состояние не внушает «диким племенам истинные начала образованности и гражданского быта», которые военными действиями и колонизационными мерами несла самодержавная власть на Северный Кавказ [11].

Кавказская война имперским идеологам представлялась как борьба с воинствующим исламом. И это все в регионе, где процесс исламизации был далек от своего логического завершения. «Мусульманство прокатилось по земле огненным потоком и теперь производит страшные пожары в местах, куда оно проникает внове, чему примером служит Кавказ ... Для России Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которую заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря, Черное и Каспийское. Занятие этого края было первою государственной необходимостью. Но «покуда русское племя доросло до подошвы Кавказа», все изменилось в горах. Выбитый из европейской России, исламизм работал неутомимо три века, чтобы укрепить за собой естественную ограду Азии и мусульманского мира – Кавказский хребет, – и достиг цели ... Вместо прежних христианских племен мы встретили в горах самое неистовое воплощение мусульманского фанатизма» [12].

В свете таких идеологем политика Российской империи принимала характер некой оборонительной системы, вынужденной реакции на действия якобы «разбойничьих вертепов», под которыми подразумевались соответственно горцы. Кавказ, таким образом, становился плацдармом,

на котором Россия превентивно ограждает себя от экспансии Запада и в то же время устраняет опаснейший очаг воинствующего исламизма, чреватого пожарами внутри империи. А, кроме того, что весьма существенно, доказывает превосходство христианского духа над мусульманским фанатизмом [13].

Подводя итог, следует отметить, что сложное положение народов Кавказско-Каспийского региона в условиях противоборства двух сильных держав того периода – России и Османской империи вынуждало местное население лавировать с целью сохранения своей политической самостоятельности и культурной самобытности. Наряду с военно-политическим и социально-экономическими составляющими, религиозный фактор в тот период играл весомую роль в международной политике.

Однобокая политика по отношению к разным народам региона, игнорирование их религиозной самобытности, имперские амбиции в решении геополитических проблем – все это приводило к катастрофическим последствиям, главным из которых стала Кавказская война.

Литература:

1. Грант Андреасян. История войн османов против армянских и иранских городов. Истамбул, 1974; Армянская анонимная хроника 1722-1736 гг. Баку: Элм, 1988.
2. Теофилактова Т. Политические отношения России с народами Северо-Западного Кавказа в период подготовки второй русско-турецкой войны (1783-1787 гг.) // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII-XIX вв.). Майкоп, 1995. С. 63.
3. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. Санкт-Петербург, 1886. С. 103.
4. Максимов С. Край крещенного света. Санкт-Петербург, 1898. С. 12.
5. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Москва, 1860. С. 15.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Санкт-Петербург, 1895. С. 36.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10-ти томах. Т. VI. Москва; Ленинград, 1949. С. 648.
8. Гордин Я. Зачем России нужен был Кавказ: иллюзии и реальность. Санкт-Петербург, 2008. С. 187, 194.
9. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность (начало XIX-XX вв.): сборник /сост. Гордин Я.А. [и др.]. Санкт-Петербург, 2005. С. 394.
11. Добролюбов Н.А. Собрание сочинений. Т. 5. Москва; Ленинград, 1962. С. 449.
12. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Москва, 1860. С. 12-15.
13. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь // Россия в Кавказской войне XIX в. Санкт-Петербург, 2000. С. 37.